

Трансформация агриографической традиции в художественных произведениях начала XX века (на примере В. В. Маяковского)

Milićević, Domagoj Lovro

Master's thesis / Diplomski rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:487981>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom](#).

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-13**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Трансформация агиографической традиции в художественных произведениях
начала XX века (на примере В. В. Маяковского)*

student: Domagoj Lovro Milićević
mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.
ak. god.: 2022./2023.

Zagreb, ožujak 2023.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Transformation of the hagiographic tradition in literary works at the beginning of the 20th
century (based on the example of Vladimir Mayakovsky)*

student: Domagoj Lovro Milićević
mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.
ak. god.: 2022./2023.

Zagreb, ožujak 2023.

Содержание

1. Введение.....	1
2. (Мета)жанровая категоризация произведения.....	2
3. Начала соборности и коллективизма.....	6
4. Интернационализм.....	12
5. Внешность персонажей.....	14
6. Ленин и Святая Троица.....	15
7. Элементы космогонии и эсхатологии.....	19
8. Доленинские пророчества.....	21
9. Уподобление партии и Церкви.....	24
10. Языковая картина произведения.....	27
11. Заключение.....	37
Литература.....	41

1. Введение

С масштабными переменами русского общества, произошедшими в начале XX века, появились новые тенденции и в искусстве, в том числе литературе. Старые формы, приёмы и темы, общепринятые в стране и мире в целом, заменялись иными, невиданными и производившими отстранение у широких масс. Наилучшим визуальным примером, т. е. примером из живописи можно считать *Чёрный квадрат* Казимира Малевича, который вызвал всеобщий шок. Но все ли виды искусства проходили такие резкие и крайне неожиданные трансформации, или их новизна, может быть, была лишь иллюзией, за которой пряталось кое-что древнее и всеми сословиями и группами русского общества давным-давно принятое? Именно на этот вопрос ответ в нашем случае поищем в литературе, с помощью которой новым представителям и лидерам народа необходимо было влиять на массы, чтобы получить их поддержку и превратить их в своих поклонников.

В настоящей работе мы будем рассматривать не исторические факты и социологические данные времён революции и гражданской войны, а то, каким именно образом литература того времени старалась приблизить новую власть и её идеологию русскому человеку старого мировоззрения и сделать из него нового – советского. Литературным произведением, в котором сошлись многие значительные для нас характеристики произведений ранних советских писателей, является поэма *Владимир Ильич Ленин* Владимира Владимировича Маяковского.

Начнём с кратких информаций, нужных для лучшего понимания поэмы. Как Маяковский сам о себе писал, он уже в детстве и в ранней юности «возненавидел сразу — все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм» (1955: 12), а сама революционная поэзия ему понравилась вскоре после этого благодаря его сестре, принёсшей домой стихи революционной тематики «[т]айком [...] очень рискованно» (там же: 13).

В творчестве поэта, особенно в данной поэме, виден отказ от укоренённой до революции культуры и её системы ценностей в то время, как структура этой же культуры просто переносится в качестве скелета для построения новой идеологии (1996). Шатин подчёркивает, что Маяковский эту основу хотел искать не в русской классической литературе, а именно в агиографии, отличающейся уже на языковом уровне от реального живого языка, чем она – кроме как своей структурой, тематикой и системой ценностей

двигалась вверх – к трансцендентному, а трансцендентными он хотел сделать коммунизм и его систему ценностей. Таким образом, он легко мог повлиять на огромные массы будущих поклонников нового государства и его идеологии, что ему не удавалось в более раннем творчестве, вопреки тому, что им он так же возвеличивал коммунизм и Ленина.

Уже в раннем творчестве писателя важной была эклектичность, т. е. разнообразность его взглядов на жизнь и мир. Именно эта отличительная черта сохранилась до времени анализируемой здесь поэмы, что видно почти в каждой её части и аспекте. Как и другие культурные деятели своего времени не только в России, но и за её пределами, Маяковский строил своё творчество на основе принципа некой новизны; новизны формы, выражения, языка, стиля... В поэме *Владимир Ильич Ленин* новой можно считать тему и способ, которым изображён объект поэмы – главный её персонаж, Ленин. По крайней мере, так может показаться читателю на первый взгляд, но, обращая внимание на частности в виде мотивов, пересказанных событий, языковых конструкций, читатель будет в состоянии обнаружить многочисленные намёки на существующие уже прецедентные тексты, вошедшие в русское культурное наследие и сформировавшие сознание.

2. (Мета)жанровая категоризация произведения

Выше написано, что данное произведение – поэма, поэтому можно подумать, что это уже достаточное жанровое определение. Уже если посмотреть на определение поэмы: «лит[ературный] жанр; значительное по объёму стихотворное произведение лиро-эпического [...] характера, [которому] присуще сочетание повествовательности [...] с отчётливо выраженным личностным началом, окрашивающим повествование в лирич[еские] тона»¹, можно подумать, что это совсем удовлетворительная единственная дефиниция, применяемая к произведению Маяковского. Правда, её можно полностью использовать, чтобы лучше понять текст, но она сама по себе не достаточна для глубинного и как можно более целостного анализа.

В заглавии настоящей работы приводится агиография, поскольку агиографическая литература является краеугольным камнем русской литературы, но

¹ ПОЭМА в Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016) [Эл. ресурс] // <https://old.bigenc.ru/literature/text/3164503> (Дата обращения 26.01.2023)

поэма опирается также на библейские тексты Нового и Ветхого Заветов, и, хотя они в своей сущности все религиозные тексты, проповедующие об отношении между человеком и Богом, их необходимо отличать друг от друга. Причина этому довольно проста; это во-первых – их тематика, а во-вторых – изображение и восприятие роли Бога; Ветхий Завет сосредоточен на первых людях созданного мира, евреях и их избранности Яхве, возвещении об их мессии; Новый Завет на самом Иисусе Христе, его жизни, послании всему человечеству, смерти, воскресении, деяниях апостолов и последних днях мира; а в агиографии пишется, условно говоря, исключительно о жизни святых, начиная с их рождения до смерти с описанием их подвигов. В качестве примера агиографического текста, с которым сопоставится поэма, взято житие Александра Невского, поскольку оно рассказывает о жизни одной из важнейших личностей русского средневековья.

Однако, здесь будет представлена не только идея об агиографическом и библейском фоне произведения, но и о проявлении отказа от принципов русской соборности.

Сначала необходимо привести некоторые информации и характеристики русских житий и агиографии в целом. Агиографическая словесность стала принимать свою форму в IV в. на территории Византийской империи, сочетав в себе элементы влияющих в то время на развитие христианской культуры традиций – Евангелий, церковных панегириков, древнееврейского фольклора, греческих романов и трагедий (Лоевская 2005: 9), а на Руси она начала появляться в переводах с греческого в период XI-XII вв., но вскоре после этого началось житийное творчество о русских святых (там же: 10).

Подлубнова Ю. С. приводит типы, т. е. поджанры агиографии по Кускову В.: жития святителей, мучеников, юродивых, политических деятелей, столпников (Подлубнова 2005: 29)², а на страницах Большой российской энциклопедии находим ещё более подробные названия и определения: «жития равноапостольных святых, преподобнические (Ж[ития]. святых-монахов), Ж. святых жён, Ж. юродивых [...], святительские (Ж. святых – иерархов Церкви), а также святых-мирян; среди последних выделяют Ж. святых правителей (в слав. традиции – Ж. святых князей)»³, но есть

² Кусков В. В. (1982) *Литература высоких нравственных идеалов в Древнерусские предания* (С. 6-8). Москва: Советская Россия.

³ Ранчин А. М. *ЖИТИЕ* в *Большая российская энциклопедия. Электронная версия* (2016) [Эл. ресурс] // <https://old.bigenc.ru/literature/text/1983168> (Дата обращения 22.02.2023)

многочисленные случаи, где границы между названными поджанрами агиографических произведений не такие чёткие, почему жития могут принадлежать не только одному поджанру.

Исследовательница подчёркивает, что, несмотря на упадок количества написанных житий и общего интереса к их чтению в течение XVII-XVIII вв., они совершенно ожили в литературе XIX века в творчестве самых знаменитых в то время писателей, как Лесков, Достоевский и Толстой (Подлубнова 2005: 30). Даже если бы такого оживления тогда и не было, в нашем случае более важную роль играет именно тот самый факт, что агиография на протяжении семисот лет формировала русскую культуру – национальное и философско-религиозное сознание, восприятие мира и человеческой экзистенции, чему способствовала и её дидактическая функция. Кроме анализируемого здесь текста, среди самых известных житий можно выделить *Сказание о Борисе и Глебе*, *Житие Феодосия Печерского*, *Житие Сергия Радонежского*, *Житие Стефана Пермского*...

Значительные для этой работы особенности и способ построения житий будут подробнее описаны в предстоящем анализе, но необходимо хотя бы хронологически перечислить устойчивые точки в сюжетах житий, которые как правило описаны в трёх частях. В первой части описана богоугодная семья и рождение святого; потом наступает детство, в котором святой по своим хорошим качествам сильно отличается от сверстников; представление молодости, прожитой в аскетизме. Во второй (центральной) части изображаются жизненные подвиги и выбранный святым путь. В третьей части читаем о кончине и посмертных чудесах святого (там же: 54; Ловеская 2005: 14). Это слишком общее изложение сюжетов, особенно поскольку *жизненный путь* может обозначать какие угодно деяния, но, разумеется, исключительно те, которые благословлены Божьей милостью и совершаются ради Его славы.

Интересно также заметить, что в поэме *Владимир Ильич Ленин* мы видим абсолютно одинаковую ситуацию, причём уже на визуальном уровне, так как Маяковский разделил поэму на три части, из которых каждая рассказывает о названных выше этапах жизни святого, т. е. Ленина.

Итак, для лучшего жанрового определения поэмы *Владимир Ильич Ленин*, необходимо определить термин жанра. Подлубнова приводит несколько объяснений жанра разных литературоведов. Всё ею приведённое можем объяснить так, что литературный жанр является типологическим целым, построенным на основании

доминирующих приёмов, общепринятых для продолжения дальнейшего развития жанра, на конкретных формах и внутренних структурах текстов, на мирозерцаниях их авторов, на социокультурных обстановках, которые в каждом отдельном жанре очерчиваются самыми разными образами; построением текста, мотивами, сюжетом и другими составляющими литературных произведений (Подлубнова 2005: 7-8).

В начале абзаца жанр данного произведения Маяковского уже приведён – поэма, но в идеологическом смысле, который здесь ключ толкования поэмы, это нельзя считать удовлетворительным.

По этой причине продолжим ещё одним термином, приведённым той же исследовательницей – метажанр (или мегажанр), с помощью которого легче понимать особенности и глубинный смысл литературы определённых периодов и культур, в нашем случае – русской и советской литературы первой половины XX века. Из многих определений метажанра занимавшихся этой темой литературных исследователей, которых Подлубнова приводит в своей диссертации, нужно выделить Риту Соломоновну Спивак, поскольку она объединила всё применяемое к нашей поэме. В первую очередь, она утверждает, что метажанр – «структурно выраженный, нейтральный по отношению к литературному роду, устойчивый инвариант многих исторически конкретных способов художественного моделирования мира, объединённых общим предметом художественного изображения»⁴. Это очень легко можно связать с данным произведением Маяковского – по своей внутренней и внешней структурам, способу отражения мирозерцания авторов ранней советской литературы оно, без сомнений, поэма, но полностью связана с другими произведениями различной структуры, способа написания, изображения сюжета, т. е. произведениями других литературных родов и жанров, тем, что возвеличивает *предмет изображения* – Ленина. Важным элементом для понимания концепта метажанра является конкретная культура в своём временном и пространственном аспекте, потому что метажанр длится так долго, как существует данная культура и её литературные и художественные направления в общем, построенная в ней система ценностей и эстетические признаки (Подлубнова 2005: 10).

В конце концов, Подлубнова метажанр, которому принадлежит поэма *Владимир Ильич Ленин*, называет коммунистической агиографией (там же: 6) или, может быть, лучше – житием, но, не забывая *предмет художественного изображения*, нужно её классифицировать ещё как лениниану (там же: 4).

⁴ Спивак Р. С. (1985) *Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров* (С. 53). Красноярск: Издательство Красноярского университета.

Данный предмет можем считать изображением некоего архетипа, так как он представляет собой одну из опор построения целого диапазона родов и сочинений конкретного метаянра. В образах, отражающих архетип, представлена его мифологичность, а глубинным анализом образа становится видной важность процесса мифологизации для цели, которой писатель хотел достичь. Подлубнова же определяет архетип как «семантическое и структурное ядро жанра, сформировавшееся в архаике и приобретающее статус литературной конвенции» (там же: 13).

Исследовательница в своей диссертации довольно подробно связала поэму с агиографией, но всё-таки есть части, не упомянутые ею, в которых несомненно можно найти намёки на жития и изображение Ленина в качестве святого, но, хотя мы имеем дело с ленинианой, к *святым революции и коммунизма* придётся отнести и других персонажей, т. е. исторических личностей, описанных в поэме. Что касается хронотопа, он не следует строго за жизнью Ленина, как это положено в житиях, но именно это сделало возможным внедрение Библии в текст, о чём речь пойдёт одновременно с агиографией, поскольку библейские и агиографические моменты данного произведения переплетаются. Необходимо также иметь в виду, что поэма построена посредством кольцевой композиции сюжета, что уже само по себе придаёт тексту ощущение цикличности и вечности, тем самым – трансцендентности.

3. Начала соборности и коллективизма

Для выявления одного из существенных аспектов интерпретации двух представленных систем ценностей и понимания данных произведений, необходимо заглянуть в пространство человеческой личности в индивидуальном и групповом смысле. В то время, как в христианстве индивидуум перед Богом ценен и любим Им, как и все другие, независимо от того, один он в своей жизни или живёт как член определённого сообщества, в новой для времени Маяковского идеологии самым важным становится коллектив и каждый его член становится значительным лишь если служит достижению цели своего коллектива, а его индивидуальная ценность практически аннулируется: «Единица! / Кому она нужна?! / Голос единицы / тоньше писка». Человек своей жизнью обязан лишить самого себя всякой особенности и индивидуальности, что определённым образом приводит к стиранию его духовной составляющей, но именно это

стирание необходимо, чтобы личность и коллектив стали нераздельными и вместе создали «единый монструозный организм» (1995: 187).

Кроме вводного утверждения поэмы, что для революционеров *единица никому не нужна*, читатель встречается с самовосприятием автора, точнее говоря, рассказчика по отношению к герою текста, которого можно считать вышей инстанцией, самой недостижимой. Создатели житий во вводной части произведения подчёркивали свою ничтожность и греховность: «Я, худой и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, [...] Хотя и прост я умом, но все же начну, молитвою [...]» Деве Марии, чтобы получить помощь от самого князя в написании текста.

Подобное находим и в начале Ленинианы после посвящения поэмы коммунистической партии: сразу читаются слова «начинаю / про Ленина рассказ», а о собственной поэме он говорит: «Я боюсь / этих строчек тыщи», но всё-таки осознает, что «писать обязан / по мандату долга». Далее мы сталкиваемся со словами, усиливающими самообесценивание перед Лениным в несколько другом тоне по сравнению с житием, которое содержит одинаковый смысл: «Мы / спим / ночь. / Днём / совершаем поступки. / Любим / свою толочь / воду / в своей ступке. / [...] У нас / претензий нет, — / не зовут — / мы и не лезем». На первый взгляд между данными цитатами жития и поэмы никакой взаимосвязи нет, но в этих стихах автор, отождествляющий себя с остатком коллектива, высказывает противоположность между обычностью своей и чужих жизней с одной стороны, и исключительностью жизни Ленина с другой, что читателю после этих стихов вскоре становится понятным в остальной части поэмы. Маяковский в качестве доказательства своей ничтожности пользуется своей смертью: «Кто / сейчас / оплакал бы / мою смертишку / в трауре / вот этой / безграничной смерти!».

Смотря на это, читатель может легко сделать вывод, что рассказчики одинаковым образом унижают себя и всё человечество перед лицом, которому поклоняются. На самом деле, есть два принципа, которыми каждый из них руководствовался при написании произведений – соборность в случае жития и коллективизм в случае поэмы, а в их рамках нельзя обойти положения индивида в этих двух мировоззрениях.

Для культурно-религиозного развития Руси основополагающим мировоззрением, созданным православием, являлась соборность, о чём пишет Есаулов, сопоставляя её с

советской литературой и её тоталитарностью, в том числе с коллективизмом. Тем не менее, нужен краткий очерк о соборности ради указания полярности этих двух философий, поскольку, какими бы они ни казались подобными, они на самом существенном уровне друг другу противоположны.

В обоих случаях основой в самом определении является идея о равенстве людей, но можем сказать, что уже в этом смысле соборность вертикальна в отличие от горизонтального коллективизма. Вертикальностью считаем понятие равенства всего человечества в единстве с Богом, «взаимную любовь в Боге»⁵, т. е. общность людей перед Ним. Хотя выше написано, что авторы житий восхваляют святых, между прочим, уничижая себя, тот, к кому житие в качестве славословия действительно направлено – это Бог. Соборное начало поэтому проявляется, например, в словах: «Боже [...], ты повелел жить, не преступая чужих границ. [...] возьми оружие и щит и встань на помощь мне» и при перечислении качеств Александра: «добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей в щедрости своей», а его отношение к другим людям подчёркивается: «любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу». Важно было привести как можно больше цитат, потому что в них очевидно, что князь, по сведениям автора, любил и уважал как «обычный» и бедный народ, так и духовников, причём он с ними уравнивался перед Богом, а не возвышал самого себя на уровень оси, вокруг которой всё и все должны строиться. Этой осью был именно и только Бог, что необходимо иметь в виду, дабы яснее понять советский коллективизм.

Дальше подчеркнём, что индивида в социализме надо создавать, так как каждый человек сам по себе не достоин коммунистической идеологии, если он не изменяется в самом корне своего внутреннего и внешнего существа. Тугаринов по этому поводу пишет: «Стоит более сложная задача – поднять всех советских людей на более высокий уровень развития личности, воспитать человека [...] с его высокой моралью [...], с возвышенным образом мыслей» (1966: 15). Такую философию можно на первый взгляд связать с христианской философией о жизни по ветхозаветным десяти заповедям и новозаветным заповедям любви – о жизни, которой человек свою душу сделает

⁵ Лазарев В. В. *СОБОРНОСТЬ* в *Новая философская энциклопедия* [Эл. ресурс] // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178> (Дата обращения 19.11.2022)

достойной её спасения, отрывая её от греховной жизни. Однако, для лучшего понимания значения индивида в контексте советского коллективизма, надо выделить, какими атрибутами этот же автор определяет личность: разумность, права, обязанности, её деятельность и индивидуальность (там же: 16). С приведённым мы можем свободно согласиться, но уже приводя свойство разумности, автор подчёркивает, что, например, «маленький ребёнок – не личность» (там же), так как у него разумность и другие качества отсутствуют, причём надо сделать ударение на том, что автор чаще использует слово *личность*, чем *человек/люди*. Такой взгляд позволяет нам ставить под сомнение поверхностное уравнивание коллективного и соборного восприятий человека, т. е. личности. Подтверждение этому находим не только в Новом Завете, где каждый человек по своей свободной воле может выбрать путь правильной жизни, но уже и в перечне поджанров агиографии, среди которых для данного контекста выделяются жития о юродивых.

Юродивых по критериям Тугаринова вряд ли можно считать личностями в то время, как в контексте соборности они равны с другими людьми и заслуживают статус святых. В поэме же читатель опять видит противоположную точку зрения, читая, что «[п]лохо человеку, / когда он один. / Горе одному, / один не воин — / каждый дюжий / ему господин, / и даже слабые, / если двое. / А если / в партию / сгрудились малые — / сдайся, враг, / замри / и ляг!». В данных стихах ощущается тонкий намёк Маяковского на утверждения Тугаринова о воспитании коммуниста и создании его личности – только вступив в партию и приняв её принципы, человек может действовать и показать свою ценность и достоинство жизни.

Касательно равенства Ленина с остатком человечества и *ленинской простоты*, за которую лирический субъект опасается, читателю может показаться эта идея об указанных ленинских достоинствах непонятной и противоречащей самой себе, если учесть то, какие описания Ленина мы находим в самом начале. Он же после своей смерти «живее всех живых» – так же, как и Александр Невский, которого мы видим как «царя среди царей, князя среди князей», но разница в том, что о покойном Ленине пишется, как о самом живом, в то время, как считать Александра лучшим князем независимо от его смерти совсем не связано со всякой метафоричностью. Считая Ленина живым после его смерти, при своём и общепринятом атеизме, писатель неоспоримо изображает его бессмертным божеством. Равен ли он тогда с другими людьми и может ли с ними быть равен перед кем-то другим?

Выше представлена ценность соборности, которая новым режимом заменилась началом коллективизма, что отражается уже стихами: «я бы / жизнь свою, / глупея от восторга, / за одно б / его дыханье / отдал?! / Да не я один! Да что я / лучше, что ли?!». С таким принципом смешивается и чувство самоотверженности во имя Ленина, что сходно не только с любовью к Богу Отцу и Его Сыну в Библии, но и с одинаковым чувством народных героев, которое побуждается в агиографии, как в житии Александра Невского: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». И так, вернёмся снова к коллективизму с точки зрения самих его поклонников времён социализма, пусть позднего. При выяснении сути коллективизма, очень часто подчёркиваются индивид и личность, точнее говоря – роль индивида, которую он должен сыграть, и из чего личность состоит; «Человек есть н о с и т е л ь качества, признака личности, а личность — с в о й с т в о человека» (1966: 16), свойство, присутствие которого определяли лишь угнетаемые классы. Постоянно делается ударение на ценности человека по отношению к обществу в контексте его труда и дихотомии собственных свобод и обязанностей; уточняется взгляд, сильно проявляющийся в поэме.

Уже сам поэт восклицает о своём труде и жертве за общество, которого он *частица*: «Я / всю свою / звонкую силу поэта / тебе отдаю, / атакующий класс», причём на класс смотрим как на целое общество, так как этот же класс, по мнению марксистов, стирает все границы между сословиями и сословия сами. Маяковский будто имел в виду слова Тугаринова, написанные позднее после первого издания поэмы: «только труд всех членов общества в полную меру способностей создаёт возможность распределения по потребностям. Творческий труд – это лучшее, что личность может дать обществу» (1966: 20) и «творческий труд, превращение труда в первую жизненную потребность каждого работника советского общества» (там же: 15). И Маяковский, и Тугаринов постоянно пишут о человеке в контексте его труда и способствования общественному развитию, из-за чего уже здесь можно сделать вывод, что человек ценен лишь тогда, когда имеет функцию активной составляющей коммунизма. Совместная активность всех членов общества проявляется, конечно, и в борьбе против капиталистических врагов «Сообща взрывайте! / Бейте партией! / Кулаком / одним / собрав / рабочий класс». И, хотя сегодняшний читатель может эти строки воспринять только как побуждение к энергичной агитации, в них можно легко прочесть и идею о том, как вырастает хороший коммунист, потому что «[с]тоит воспитать человека, способного жить и работать в коммунистическом обществе [...]. Для современного человека нужны ещё и материальные стимулы труда, а иногда и приказ, внешнее воздействие, принуждение»

(1966: 15). Таким мнением поклонники советского тоталитаризма, под крышу которого заходил коллективизм, подтверждали идею об обществе, на самом деле – о властях, которые должны, и которым необходимо позволить управлять каждой сферой жизни и существования человека, причём они по отношению к нему ведут себя как родители по отношению к маленькому ребёнку, неспособному жить без их беспрерывного надзора.

В качестве воспитательной функции поэмы в контексте развития одинаковых способностей общественной деятельности всех членов коллектива можно привести строки, перифраз слов Ленина (Подлубнова 2005: 47): «Мы и кухарку / каждую / выучим / управлять государством!», но категорических принуждений кроме приказов уничтожения врагов нет. Кухарка как руководительница государства служит метафорой социалистических нравственных начал – «нового отношения к труду, заботы о благосостоянии людей» (1966: 21) – и понятия свободы, реализованного исключительно трудом для всего советского коллектива (там же: 17). Однако, дидактичность subtlyно появляется местами, где сам Ленин служит образцом правильного советского человека, так как он снова снижается до уровня *обычных*: «И Ленин / сам / где железо, / где дерево / носил / чинить / пробитое место», занимаясь тяжёлой физической работой, как и все другие рабочие.

По мнению же Есаулова, поэма не проявляет воплощения только коллективизма, а в ней можно заметить также попытку сближения с соборностью; можем сказать даже, что в ней есть подражание началу группового единения в поклонении сверхъестественной вертикали: «Я счастлив, / что я / этой силы частица, / что общие / даже слезы из глаз. / Сильнее / и чище / нельзя причаститься / великому чувству / по имени — класс!». Во-первых, мы видим, как Маяковский употребляет одно из святейших таинств христианства (как восточного, так и западного) – евхаристию, при которой верующий не символически, а по своей вере реально и полностью, соединяется с Христом, так как через просфору принимает Его Тело. Таким образом он спасает свою душу и в вечности связывается с Богом и другими спасёнными в то время, как у Маяковского спасение представляет земное, а соединение обозначает благосостояние в общности с рабочими, которые сами по себе составляют ту силу, которой можно причащаться. Во-вторых, тот факт, что лирический субъект ссылается на класс под названием «сила», поднимает класс, т. е. коллектив, на уровень сверхъестественного существа, у которого глубинный смысл есть только во внутренней взаимосвязанности, с помощью которой приобретаетась мощь изменять мир и создавать свой, новый.

4. Интернационализм

Любопытной является идея взаимосвязи наций в коммунизме, в которой национальность теряет своё значение и не считается отличительным признаком человека, которым он должен гордиться, по крайней мере, не в актуальном до революции смысле. Маяковский такую точку зрения выражает, делая ударение на глобальности пролетарского движения или, точнее говоря, желании коммунистов, чтобы такое движение приобрело широкий размах во всём мире.

Автор космогонически создаёт мифическое пространство, через которое будет распространяться идея Ленина, выбирая топоним, ключевой для развития одной из самых великих цивилизаций старого мира – реку Нил, на которой негр в момент своей смерти, наступающей от слишком тяжёлого труда, желает пришествия предводителя мировых перемен. Продолжается утверждением, что подобные условия трудящихся существуют и «[в] снегах России, / в бреду Патагонии», чем поэт, условно говоря, охватил весь мир; особенно, если учесть, что в Патагонии в ранние 1920-е годы шёл мятеж взбунтовавшихся рабочих против помещиков, в результате которого погибло несколько сотен бунтовщиков⁶. Поэтому делается ударение на том, что советский пролетариат представляет «голос / воли низа, / рабочего низа / всего света».

В последних частях поэмы уже вслед за смертью Ленина, он возвращается к глобальности, описывая общее оплакивание смерти Ленина, в которое кроме революционеров и рабочих в России погружаются даже *негры из Штатов* и китайцы. Значит, смерть Ильича касается всех тех, которые угнетены со стороны капиталистов, несмотря на то, сколько влияния Ленин оказал на них, поскольку важно только то, что он их интернациональный представитель.

В нижеследующем примере агиографического произведения интернационализм определённым образом кажется даже ужасным, так как князь всё-таки борется против врагов других и неправославных стран, но, будучи князем атакованной земли, он должен был повести войну. Автор жития тем не менее описывает, как Александр «добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран», принимая их по принципу: «Нет уже Иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28-29). Как бы иронично это ни казалось, о таком христианском чувстве напоминают стихи ленинианы: «Пора кончать! /

⁶ Kaleck, Wolfgang: *Aufstand in Patagonien* [Эл. ресурс] // <https://www.ila-web.de/ausgaben/346/aufstand-in-patagonien> (Дата обращения 30.1.2023)

Выходите брататься!», которыми призывают немецких солдат к примирению, ибо не они сами враги, а их империалистическая власть.

С другой стороны, можно подумать, что грешники играют одинаковую роль в христианстве как буржуи, дворяне и члены духовенства, но это совсем не так; Христос призывает грешников к себе, ради них он и сошёл на землю, чтобы они обратились, но коммунисты отнюдь не призывают своих врагов поверить в их идеологию, а постоянно побуждают к их полному устранению в любом смысле, конечно – в целом мире. Убеждаемся в этом, читая слова: «сдайся, враг, / замри / и ляг!», что напоминает слова о сражении врагов Александра Невского, к которым он, правда, отнюдь не высказывает христианской любви и желания прощать их за нападение, но обстановка вторжения иной позиции к агрессорам не допускает.

Если теперь сопоставить интернационализмы ленинианы и жития, то можно увидеть, как ленинский интернационализм основан на уничтожении одной группы мирового населения ради поднятия другой на уровень свободных, что в конце концов должно охватить весь мир. В библейском же смысле все разделительные черты между людьми стираются в любви к Христу, не уничтожая никого. Так же надо подчеркнуть, что в житии Александра Невского речь идёт о сражении *иноязычников* только внутри обороняемой страны, а о посягательстве на чужие территории и претензий воздействия на народы других конфессий речи не идёт. Также для жития интернационализм не приобретает важность, ибо оно сориентировано на внутренние проблемы Руси, а сама православная вера в каждой стране гораздо более связана с самой народностью этой же страны, так что более интернациональным считается католицизм. Значит, касательно интернациональной идеи коммунистическая агиография опирается больше на Новый Завет, чем на агиографию.

Добавочное подтверждение всему находим в стихах ленинианы: «Нынче / нами / шар земной заверчен», что Есаулов толкует как действие самого зла (1995: 180), совершаемого коллективом, но это нужно рассмотреть несколько глубже, именно в данном контексте интернационализма или, точнее говоря, коммунистического глобализма. Речь идёт не только о переносном значении, что советский коммунизм является двигателем многих перемен на мировом уровне и что пролетариат должен завоевать власть во всех концах того же мира; здесь опять имплицитно на вышеупомянутую новую вертикаль, вокруг которой всё строится – это коллектив тружеников, не капитализм или Бог.

5. Внешность персонажей

В отличие от Библии, где человеческая внешность лишь за редкими исключениями не описывается, особенно в Новом Завете, в агиографии такое явление довольно нормальное. Поэтому в повести жития Александра Невского читаем, что «красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте», Хотя представление внешности есть, оно отнюдь не близко реалистическому, а им только заново делается ударение на замечательные особенности князя, особенно с продолжением ссылки на великих вождей из прошлого. Подобное стремление показывает и Маяковский, выделяя определённые отличительные характеристики внешности Ленина; самым важным кажется именно: «настоящий, / мудрый, / человеческий, / ленинский / огромный лоб», который, по мнению автора, очевидно отражает сильный интеллект Ленина. Тем не менее, он правда «мудрый» и «ленинский», но одновременно «настоящий» и «человечий», т. е. он в то же время не выше и не более ценен других.

Внешность Ленина важна и из-за мифологизации его образа, которая достигается и его связью с солнцем и светом, ибо он «заступник солнцелицый», а лирический субъект подобными образами неоднократно ссылается на разные культуры, цивилизации и религии, не только христианскую и еврейскую. Во-первых, во многих политеистических религиях верховным божеством являлся бог солнца, например, в египетской это бог Ра. Во-вторых, в христианской цивилизации Бог (имея в виду Святую Троицу) в словесном творчестве не связывается с солнцем, но с самого начала изобразительного искусства Христос, Богородица и святые появляются с нимбом. И Подлубнова про это пишет: «Образ 'светлой головы' [...], в которой 'мысли ярче всякого пожара', как бы намекает на особую духовную субстанцию вождя, которая светится. Свет ее в таком контексте оказывается одного порядка со светом головы святых, увенчанных на иконах нимбами. Известно, что нимб – нетварная светящаяся субстанция – святого, духовного властителя на земле, имеет тварную аналогию, которой является корона монарха» (Подлубнова 2005: 37). Однако, хотя Ленин является солнечным и тем самым возвышенным до вселенской бесконечности, в перечислении принадлежащих Ленину эпитетов, не находим ссылок ни на одного исторического вождя, главы любого восстания или целого революционного движения. Таким образом, лирический субъект скрыто утверждает, что у Ленина нет предшественников, которым он подражает и которые ему могут служить

примером, ибо он и есть «Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Откр. 22:13).

Решительность Ленина во многих местах в поэме описана разнообразно, но она – одна из основных характеристик героя поэмы, и тем самым её нужно отразить в описании лица. Конечно, Ленин был «скуластый / и лысый / один человек», но создатель текста намеренно не избегает постоянного выделения этих физических черт, чтобы усилить впечатление деталей внешности, связывающихся со стереотипами о качествах людей, причём общеизвестно, что стереотипы оказывают наисильнейшее влияние, особенно на массы. С тем, что он лысый, ассоциируется чрезвычайная интеллигентность и сообразительность, с чем можем связать и проницательность: «В какого-то парня / в обмотках, / лохматого, / устави́л / без промаха бьющий глаз». Мотив проницательного и решительного взгляда появляется снова в конце поэмы, в моменты конечного расставания от него, для чего Маяковский выбирает именно слова «Мы сами, родимый, закрыли / орлиные очи твои», взяв их из одной из любимых песен Ленина⁷ *Замучен тяжелой неволей* Г. А. Мачтета, писателя XIX века и поклонника народнических идей⁸. Выбор этих стихов не случаен; во-первых, автор опять ссылается на прошлое и на стихи, попавшие на фон всеобщего революционного сознания и чувства. Во-вторых, стихи той же песни процитированы и в начале произведения, чем автор снова вскрывает его цикличность – кольцевую композицию.

6. Ленин и Святая Троица

Схожесть с Христом мы находим в отказе от ценностей, правящих миром до пришествия революционеров, и в продвижении совершенно нового мировоззрения. В то время, как Христос был Богочеловеком, Ленина, по словам Подлубновой, поэма Маяковского изображает в виде Человекобога: «Очевидно, что Ленин [...] замещает в пространстве литературы Христа, Богочеловека, с рождения которого началась история современной цивилизации. Такая подмена для сознания эпохи знакова: Ленин приобретает здесь статус если не Богочеловека, то Человекобога, того, кто положил

⁷ Владимир Ильич Ленин: Примечания [Эл. ресурс] // <http://mayakovsky.velchel.ru/?cnt=7&sub=3&page=16> (Дата обращения 29.01.2023)

⁸ Мачтет Григорий Александрович [Эл. ресурс] // https://rznodb.ru/oldrznodb/liter_map/2/15/77.htm (Дата обращения 24.01.2023)

начало новой коммунистической цивилизации. Его смерть приравнивается к смерти божества» (Подлубнова 2005: 34), а ещё одно подтверждение этому мы видим в строках: «Он земной, / но не из тех, / кто глазом / упирается / в своё корыто. / Землю / всю / охватывая разом, / видел / то, / что временем закрыто». Ленин в этих стихах подобно Вездесущему, глядящему с небес на целый мир, будто предсказывает будущее, неведомое обычным смертным. Вездесущим он оказывается и в смысле присутствия внутри человеческих душ: «и в каждом — Ильич, / и о каждом заботится».

С другой стороны, лирический субъект вопреки сверхъестественности особенностей Ленина, постоянно возвращает его к земным ценностям: «И ему / и нам / одно и то же дорого!», что несколько напоминает совсем противоположное учение Христово: «итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), т. е. Ленин вождь всех людей, как и Иисус, но ему важно то, чего себе они желают в этой жизни, а не то, что им нужно в той вечной, в которую, в конце концов, они и не верят.

Говоря о любимых вождях, важно подчёркивать их победы над противниками, но теперь речь идёт не о военных победах над другими народами, о революционных победах над идеологическими неприятелями, а, так сказать, о духовной победе вождя, длительной и, по мнению поклонников, вечно одерживаемой. О ленинских победах такого рода мы читаем в стихах: «Глоткой орудий, / [...] друг другу / страны / орут — / на колени! / Додрались, / и вот / никаких победивших — / один победил / товарищ Ленин. / Империализма прорва!». Прецедентный текст, с которым надо сопоставить мысли писателя поэмы, не Житие Александра Невского, так как в нём ключевую роль играют именно победы над агрессорами, нападающими на русскую землю на данный момент*, а Откровение Иоанна Богослова, где описаны события после второго пришествия Иисуса. Чтобы как можно лучше понять контекст, возьмём самую подходящую цитату из библейской книги: «десять царей, которые ещё не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час. Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (Откр. 17:12-14). У Маяковского власти разных стран друг другу противники, а в Библии нет их взаимного сопротивления, но схожесть между этими двумя группами правителей – единомыслие, общая цель добраться до пространств и мощи в низшем и самом поверхностном их смысле. Так неприятели советов, по

* Правда, в житии пишется о победе не над католичеством в идейно-религиозном смысле со значением сражения католичества как некой ереси, а только над католическими странами, нападшими на Русь.

предсказанию рассказчика, все вместе проиграют именно из-за поглощённости своими идеями, что их доводит до алчности в стремлении к империалистскому господству во всём мире, вследствие которой они друг друга просто разорят. В то же время у Ленина цель совсем иная и его идея – неизвестная новизна, которая всех просто убедит в своей «правдивости». В случае царей из Откровения они также проиграют, поскольку их желания в самой своей сущности неблагородные, особенно если учесть то, что они через Зверя были направлены против Христа, но именно их неблагородный нрав является их слабостью, которая их выдаст Богу, а в вечности остаётся только то, что духовно значимо.

Вечность же для Маяковского представляет лишь время существования человечества, т. е. это и нельзя назвать вечностью, а просто временем человеческим. Поэма тем не менее, будучи средством приближения советского менталитета православному народу, должна «время человекье» представлять обликом вечности и Ленина постоянно возвращать на божеский престол: «Ленина не видно, / но он близ. / По тому, / работа движется как, / видна / направляющая / ленинская мысль, / видна / ведущая / ленинская рука». Вождь революции руководит своими наследниками и ведёт их по правильному пути труда и коллективной солидарности, несмотря на то, что он физически не присутствует в деяниях образцовых советов, но они ощущают его вдохновляющее и духовное наличие. Это не может не напоминать силу, ведущую апостолов, которые должны были, говоря языком поэмы, «двигать работу» своего Учителя, т. е. распространять благую весть о Царстве Божьем, и заодно направляющую ипостась Церкви – Святого Духа, через дары Которого они постоянно вдохновлялись, как ещё Иоиль объявил слова Яхве: «[И]злию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши» (Ил. 2:28).

Кроме чудес, сотворённых святыми после их смерти, нельзя не заметить и чудеса во время жизни, но здесь только жизни Ленина, которыми он показывал своё мужество, несколько сверхчеловеческое: «кренимся, / мачтами / волны крестя! / Нас опрокинет — / на правом борту / [...] но так / лишь Ильич умел и мог, — / он вдруг / повернул / колесо рулевое / сразу / на двадцать румбов вбок. / И сразу тишь, / дивящая даже». Данные строки словно полностью переписаны из Евангелия от Марка, т. е. из части, в которой «поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И

ветер утих, и сделалась великая тишина» (Мк. 4:37-39). Мы уже читали о том, как Ленин представлен в качестве Человекобога, но во многих местах он либо человек, либо божество, но именно данные строки об Иисусе из Библии хорошо сочетаются с идеей о Ленине-Человекобоге, так как свидетели Иисусова чуда «говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?» (Мк. 4:41), т. е. они только что познакомились с божественной стороной Христа; с тем, что он не просто человек, а именно Богочеловек, управляющий землёй в любом смысле.

Читая строки: «У гроба — / мы, / людей представители, / чтоб бурей восстаний, / дел и поэм / размножить то, / что сегодня видели», читатель снова видит, как лирический субъект выражает чёткую разницу между Лениным и остальным человечеством, ибо не он же человек, а другие, окружающие мавзолей и оплакивающие его кончину – они те, которые представляют собою род человеческий, и которые будут распространять предание о величестве замиранья всей земли в мгновения последнего прощания с Человекобогом, доказывающее его величину. Это замирание можем взять как пример посмертного чуда Ленина, но оно гораздо масштабнее, чем чудо князя Александра, когда он, будучи уже умершим, протягивает руку за разрешительной грамотой.

Хотя Ленин уже покойник, писатель к нему обращается, будто он всё ещё живёт – вспомним, он *живее всех живых* – что Есаулов толкует в смысле бессмертия «инфернального героя русского фольклора – Кощея» (1995: 180), почему «не нуждается в воскресении, ибо — в субстанциальном смысле — никогда не умирал» (там же: 187). Тем не менее, мы читаем, что «[с]тала / величайшим / коммунистом-организатором / даже / сама / Ильичева смерть», чем она персонализируется, приобретая человеческие способности действовать и влиять на процесс развития осуществления коммунистической идеи; она словно воскресение Иисуса представляет собой зачаток новой эпохи, но в отличие от него обозначает тоже зародыш новой расы людей. Естественное в контексте атеизма и коммунистического идолопоклонства воскресение изображается в поэме стихами: «с каждой складки / снова / живой / взывает Ленин: / — Пролетарии, / стройтесь / к последней схватке!»; он здесь не только для того, чтобы поддерживать коллективную память о революционных временах, но более того, чтобы приказывать советам быть самыми образцовыми борцами за его идеи и принципы, причём в каждом уголке и в каждой стороне он доказывает своё сверхчеловеческое вездесущие.

Коммунизм и его восприятие в анализах литературы, восхваляющей его, чаще всего сравнивается с религией, но Маяковский изобразил его также как сверхъестественную силу, некое духовное существо, искавшее своих первых избранников – пионеров, чьё рождение обозначит начало нового мира под его покровом. Такие мысли читаем в перифразе слов Манифеста Коммунистической партии⁹: «Коммунизма / призрак / по Европе рыскал, / уходил / и вновь / маячил в отдаленьи... / По всему по этому / в глуши Симбирска / родился / обыкновенный мальчик / Ленин», где видим, что писатель вновь делает ударение на том, как Ленин – обычный и средний человек, как и все другие, но, впрочем, избранный. «Рождение героя, обусловленное не столько любовью родителей, сколько исторической необходимостью» (Подлубнова 2005: 43), а образ рыскающего коммунизма чрезвычайно напоминает Духа Святого, сошедшего на землю и обратившегося к женщине, которой было предназначено стать Богородицей.

7. Элементы космогонии и эсхатологии

Исходя из того, что Ленин, по всему видимому, мифологизированный продукт архетипа духовного вождя и верховного человекообразного божества, нельзя упустить момент мифологизации самого ему принадлежащего мира, о котором частично шла речь в анализе интернационализма, но рассмотрим это ещё с космогонической точки зрения. Касательно космогонии, упомянуты были Нил и Патагония, но в таком прамире необходима избранная земля, в которой начнётся создание нового, лучшего и более человеческого мира. К этому, конечно, относится пространство «Руси крепостной», так как рассказчику «земли / с еще большей болью / не довиделось / видеть», чем особо подчёркивается страдание народа этой земли, ставшее в данном смысле основной и самой значительной его характеристикой. Такое восприятие Руси и её людей выражено в очень многих местах этого коммунистического жития, чем писатель подсознательно создаёт картину народа с особым положением в мире, который благодаря именно этому несёт грандиозные перемены. Идея о таком народе уже веками лежит в основе иудео-христианской цивилизации, а это, судя по Ветхому Завету, были евреи, страдавшие в течение истории под гнётом нескольких мощных царств, в которых они были рабами.

⁹ Владимир Ильич Ленин: Примечания [Эл. ресурс] // <http://mayakovsky.velchel.ru/?cnt=7&sub=3&page=15> (Дата обращения 01.02.2023)

Конечно, христианство в своей сути отходит от такого взгляда на любой народ, но так как иудаизм был основной почвой для его построения, Израиль и евреи являются первой ассоциацией страдания и избранности. Созиданию такой коллективной памяти на русской почве способствовали, естественно, жития, в которых, судя по примеру жития Александра Невского, постоянно есть прямые ссылки на Израиль и битвы его народа, в которых он и его вожди оказались победителями.

Поэма содержит даже рассказ о зарождении зла – капитализма, который «в молодые года / был ничего, / деловой парнишка: / первый работал — / не боялся тогда, / [...] революциями / своей весной / расцвел / и даже / подпевал 'Марсельезу'. / [...] Он / по вселенной / видимо-невидимо / рабочих расплодил / детей». Начало его существования изображено в виде самого образцового молодого человека, трудящегося и побуждающего весь мир к работе. Постепенно он становился совсем не таким, каким казалось начало его жизни – после того, как он потолстел – что в прошлом, как правило, обозначало материальное благополучие – он начал, воспользовавшись трудом рабочих, господствовать над всем миром, включая не только экономику, но и правителей, искусство и частично религию. Такие метафорические истории о возникновении зла можно найти, вероятно, во всех религиях мира, в том числе иудео-христианской цивилизации, где речь идёт об ангелах, которых Бог сотворил своими добрыми помощниками, но они решили уподобиться Богу в Его мощи, и в результате были изгнаны из рая, испортив потом человека и весь мир. Эссенцией борьбы против зла являются не любовь и добро, а *взрыв* – капитализм надо «взорвать», насильственно разорить. В таких идеях видим не святость коммунизма и ленинианы, а их инфернальность, упомянутую Есауловым, который писал, что согласно им «[п]редшествующая реальность должна быть полностью уничтожена. Для новой мифологии характерен мотив *сожжения* прошлого. Впрочем, способ уничтожения 'старого мира', строго говоря, факультативен, хотя иной раз и весьма выразителен» (1995: 174), как в случае Маяковского.

Инфернальная атмосфера чётко выражена не только таким образом, а, может быть, и ярче, стихами: «Голову / об жизнь / разбили филантропы. / Разве / путь миллионам — / филантропов тропы?», где поэт заявляет о ненависти уже не к религиозной системе или только православию как духовному ядру русского народа, но к человеческой любви к другому человеку, которая в христианстве должна подразумеваться у каждого и быть безусловной: «Ибо весь закон в одном слове

заключается: 'люби ближнего твоего, как самого себя'» (Гал. 5:14). Отказ от такого мировоззрения и отношения к людям, проникнутого духовной свободой и равенством, которое не позволяет ненависть к другому, автор ещё раз подчёркивает словами: «И нам / уже / не разговорцы досужие, / что-де свобода, / что люди братья».

По определённой аналогии от такого текста можно ожидать и эсхатологические элементы, которые здесь в самом деле появляются не раз. Таким моментом можно считать стихи: «Для нас / это слово [коммунизм], — / могучая музыка, / могущая / мертвых / сражаться поднять. / [...] Мы прорвемся / небесам / в распахнутую синь», потому что здесь имеется параллель с воскресением из мёртвых, которое является одним из главных христианских постулатов: «вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15:52). Можно почти с полной уверенностью утверждать, что эта связь не случайна, а автор образом пробуждения мёртвых под звук труб прямо ссылается на библейские идеи о победе добра над злом, которые он приспособил к целям своего произведения. Конечно, эсхатология в контексте поэмы обозначает не конец мира, а кончину, как приведено выше, мира правления капиталистов и буржуев. Такой мир отождествляется с материальным грешным миром в христианстве, а спасение снова сменяется отмщением, которое дальше реализуется в непростении грехов, в кровавых смутах и войнах.

Наряду с эсхатологическими моментами, сосредоточенными на людях, для усиления впечатления о масштабности смерти старого мира необходимо включить явления природы: «тихие / тучи / молнией выев, / уже — / нарастанье / всемирной грозы. / [...] над миром / зажжём небеса», где на самом деле мы видим самовозвеличивание революционеров до уровня божества, обладающего даже самим небом.

8. Доленинские пророчества

Всё приведённое не делает Ленина настолько мифологическим персонажем, насколько это удаётся автору изображением не его жизни, а того, что, согласно поэме, происходило до и после неё. Обратим внимание на рабочий класс, который предвидел, что «придёт когда-нибудь / человек — / борец, / каратель, / мститель». Эти восклицания против капиталистов сильно напоминают ветхозаветные пророчества о пришествии

мессии, который, по пониманию евреев, должен был освободить их от чужой власти, но, хотя они только так понимали своих пророков, они о мессии говорили как о спасителе, а не о карателе и мстителе. Пришедший наконец Мессия действительно и был спасителем, но не земным, что до определённой степени делает советское восприятие Ленина похожим на еврейское представление о мессии.

Касательно отождествления Ленина с Христом нельзя упустить из виду и остальные сходства между доленинским временем и Ветхим Заветом, где ключевые для рождения социализма личности уподобляются пророкам, которые возвещают о пришествии Христовом. Такую роль здесь сыграл Карл Маркс: «Время / родило / брата Карла — / старший / ленинский брат / Маркс», чьё пророчество олицетворяется в «его» словах «Он придет, / придет / великий практик, / поведет / полями битв, / а не бумага!», где Маркс смотрит в будущее и даёт надежду угнетённому рабочему народу.

Кроме роли ленинского пророка, в дальнейшем тексте он занимает и место вождя-освободителя. Хотя здесь всё время Ленин описывается как спаситель и параллель Христа, Маркс по этой аналогии – параллель Моисея, поведшего иудеев из египетского рабства; он «рабочего / поставил на́ ноги / и повел / колоннами», а «[раскрывая] истории законы», т. е. *Манифест Коммунистической партии*, который «не набора гранки, / не сухие / цифр столбцы», то есть, Маркс усиливает свой образ Моисея, принёсшего Декалог, новую мораль для людей. Раньше подчёркивается также его сверхъестественная сила тем, что он духовно присутствует и ободряет рабочих к восстанию и сражению: «Будто сам / в заводе каждом / стоя стоймя, / будто / каждый труд / размоливая лично», а сходство с Моисеем и бегством из Египта очерчивается следующим образом: «повел / разить / войною классовою / золотого, / до быка / доросшего тельца». Однако, золотой телец здесь отнюдь не идол рабочего класса, а предмет ненависти, ибо олицетворяет «прибавочную стоимость» у буржуев и капиталистов, которая накапливается в результате труда угнетённых.

Такое духовное присутствие предков-помощников мы встречаем и в житии Александра Невского, где эту роль кроме Господа играют мученики Борис и Глеб, которые перед битвами с немцами показываются Пелугию и Александра вдохновляют своей силой и мужеством.

Если посмотреть на литературу, намерение которой изображать окружающий мир с нематериальным и более глубоким смыслом, то легко заметить, что постоянные ссылки

либо на мифологическое прошлое, либо на исторические факты, являются одним из самых экспрессивных методов достижения такой цели.

Так, в случае поэмы *Владимир Ильич Ленин* связь времени написания произведения с прошлым, на котором идеологически основана идея, защищаемая автором, мы видим в ссылке на сторонников идей французской революции. В этом историческом событии много общего с революцией 1917 года, что автор не раз подчёркивает с целью создания впечатления и убеждения читателя в том, что Октябрь превосходит все эпохи, словно он появлялся раньше в истории под другими названиями и в других концах мира. Конечно, фигура Маркса ставится в контекст больших перемен во французском обществе, произошедших вследствие революции, которая будто повторяется в России: «Марксу / виделось / видение Кремля / и коммуны / флаг / над красною Москвой», где, по остальным упоминаниям коммуны и коммунаров можно предположить, что *коммуна* обозначает парижскую коммуны. В этой картине Маяковский полностью соединил европейскую/мировую историю с российской и мифологизировал обе, снова отдавая Марксу роль пророка.

Где же такой способ мифологизации жизни и деяний Александра Невского можно встретить на примере его жития? На самом деле, даже в гораздо большей степени, чем в поэме Маяковского, причиной чему является, наверное, тот факт, что автор жития мог ссылаться не только на хронотоп Руси и близких культур, но и Библии. Поэтому выбраны самые значимые события из тогдашней коллективной памяти народа в иудео-христианской цивилизации; «Когда пришел Сennaхириб, царь ассирийский, на Иерусалим, [...] явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и когда настало утро, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним», «И у князя Александра тоже было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и крепких» или «Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона».

Разумеется, что все сражения не только сопоставляются с библейскими, но также оправдываются во имя Бога и защиты страны и собственной веры. Оправдание такое находим и в коммунистической агиографии, но Бога и веру, конечно, сменяют идеи. Есть всё-таки одно отличие в этом сопоставлении: у Маяковского есть места, в которых он прошлое царской России до определённой степени обесценивает с желанием контрастно противопоставить её революционным движениям и кровопролитиям, показывая всю их

масштабность; «но эту / всемирнейшую мясорубку / к какой приравнять / к Полтаве, / к Плевне?!», причём *мясорубка* – Первая мировая война, которую поддерживали империалисты, а против которой возражают революционеры, вызывающие на самом деле такую же *кровавую мясорубку*.

Интересен также библейский аспект лжемессий, которым как будто укрепляется моральная вертикаль коммунистических идей и их справедливости, поскольку таким образом оригинальные их проповедники у своих поклонников легче вызывают неприязнь к возможным замаскированным врагам и, ещё важнее, себя дополнительно представляют в самом спасительном свете. Слова «Скажут: / 'Мы вожди', / а сами — / шаркунами? / За речами / шкуру / распознать умей!» и их значение легко сопоставить с библейскими «Тогда, если кто вам скажет: 'вот, здесь Христос', или: 'вот, там', — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь» (Мк. 13: 21-23). Разница же есть в авторитарности – в Иисусовой речи можно прочесть бережное отношение к человеку и его признание свободной воли верующих, т. е. у Него не ощущается осуждения, если кто-нибудь даже и поверит лжецам, в то время, как в поэме советы обязаны уличать врагов, а потом, как видно в прочих частях произведения, беспощадно действовать против них.

9. Уподобление партии и Церкви

Если учесть всё до сих пор написанное, то не удивляет, что партия заняла роль Церкви – не только Русской Православной и её общественной роли в реальности, но Церкви как идеи о семье всех христиан, которую возглавляет прежде всего сам Иисус.

Партия и Церковь во время своего основания представляли новизну в разных смыслах – идеологическом, социологическом, культурном – почему они должны были отойти от общепринятых образов строения и продолжения той самой культуры, являющейся их своеобразным истоком. Маяковский такой отход выражает тем, что *любовь к Ильичу* «не объяснишь / церковными / славянскими крюками», причём ему мерзка не только церковная словесность, но и литература, которая русской культуре открыла дверь в европейскую и мировую культуру; «Знаю, / лирик / скривится горько, / критик / ринется / хлыстиком / выстегать: / — А где ж душа?! / Да это ж — / риторика! /

Поэзия где ж? / Одна публицистика!!». Свою уникальность одно сообщество может наилучше подтвердить, указывая на различия от другой, от чьих ценностей отказывается. Подобным образом читаем такое в житии, в котором Александр Ярославич Невский, отбросив предложения папы римского обратиться в католичество, доказывает правоту своего русского православия: «От Адама [...] до Христова рождества, [...] от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Конечно, князь же не возглавлял Церковь, но в данном случае является её представителем.

На первый взгляд можно сделать вывод, что Ленин таким же образом является духовной главой и основоположником учения партии, но растолкованное выше стирание границ между коллективом и личностью отражается даже на Ленине: «Партия и Ленин — / близнецы-братья / [...] Мы говорим – Ленин, / подразумеваем — / партия, / мы говорим – / партия, / подразумеваем — / Ленин». Несколько другой подход к отношению между Церковью и Иисусом можно найти в учении: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его» (Еф. 5:29-30).

Теперь необходимо вернуться к идее интернациональности; в первые времена христианства делалось ударение на том, что важна не принадлежность к определённому народу, а принадлежность Христу и его Церкви. Подобное можно заметить в поэме, где в бедах рабочего класса обвиняются не определённые нации – даже не те, против которых шла война – а буржуи целого мира: «у наций / нет / никакой вины. / Против / буржуазии всех стран / подыдем / знамя / гражданской войны!». Элемент борьбы значителен в сопоставляемых произведениях, поскольку в нём также раскрывается контраст сути партии и Церкви и принадлежащих им идеологий. Она у советов представляет собой даже девиз, направление, указывающее к осуществлению целей, что явно очерчивается в парафразе слов самого Ленина: «Не защита — / нападение / стать должно / лозунгом масс», причём он подчёркивает не только свою агрессивную агитацию, но и то, что он не имеет в виду никакую защиту, поскольку она подразумевает слабость защищающегося перед агрессором. В конце концов, давно сказано, что *лучшая защита – это нападение*, что Ленин хотел полностью подтвердить. В житии же Александра Невского читаем, как бы на первый взгляд неожиданно, о противоположной позиции самого князя к военным делам; во-первых, святой перед Богом (опять – перед инстанцией, которой у советов нет, ибо они выше всего и всех) осознаёт именно свою человеческую слабость и боязнь перед превосходством нападающих войск. Во-вторых,

князь прямо говорит, что очень хочет отказаться от любой захватнической политики: «ты [Боже] повелел жить, не преступая чужих границ». В-третьих, Александр даже не хочет судить им, ибо, будучи человеком, он этого не достоин: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне». Защита в его же глазах не является позором и знаком слабости, а в молитве именно о защите он наполняется моральным духом, необходимым ему во вскоре последовавших битвах.

Для дифференциации идеи интернационализма в христианстве и коммунизме с одной стороны, и уподобления партии и Церкви с другой стороны, нужно сделать ударение на институционализации обеих инстанций. В поэме это лучше всего видно в том, что «народы — / черный, / белый / и цветной — / становятся под знамя Коминтерна», где Коминтерн представляет ядро организации мирового коммунизма. Увеличивая силу новообразованного института и приписывая ему трансцендентность, лирический субъект с насмешкой пишет, что «буржуи / пяти частей света / [...] кланяются / Ильичевой республике советов».

Одним из существенных элементов создания нового института, предлагающего новый вид морали и духовной опоры, является не только указание на ошибочность старых и/или вражеских институтов и их мировоззрений, но и мучения, перенесенные наследниками новой нравственности. Символ этой нравственности в христианстве и Церкви – крест, а его роль в коммунистических партиях мира заняла красная пятиконечная звезда, которую Есаулов, сопоставляя с рождественской звездой, называет *антизвездой* (1995: 174). Звезда в поэме по этой причине обозначала, между прочим, и терпение коммунистов, которые «жрали кору, / ночевка — болотце, / но шли / миллионами красных звезд», а дальше читаем, что «[п]ятиконечные звезды / выжигали на [их] спинах / панские воеводы», но читатель убеждается в их абсолютной преданности коммунизму, т. е. партии, на основе того, что «сжигали [их] японцы, / рот заливали свинцом и оловом, / отрекитесь! — ревели, / но из / горящих глоток / лишь три слова: / — Да здравствует коммунизм!». Описания такого рода страданий можем встретить и в Новом Завете, когда Иисус предупреждает своих учеников о свирепых пытках и осуждениях, которым верующие будут подвержены: „[В]озложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Моё; [...] Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, [...] и будете ненавидимы всеми за имя Моё».

10. Языковая картина произведения

При анализе литературных произведений, нередко не учитывается сама материя их создания – язык. Наряду со всем подтекстом и интертекстуальностью, видимыми уже без более глубинного рассмотрения отдельных лексем и словосочетаний, анализ именно языка необходим, чтобы как можно лучше понимать полный смысл текста, т. е. чтобы эти же подтекст и интертекстуальность получили более полный смысл.

Однако, перед этим упомянем, почему именно такие произведения, как данная поэма, являются весомыми в смысле влияния на общество. Поскольку язык – сильнейшая система межчеловеческого общения, правящие обществом социальные группы определяют, как правильно, а как неправильно следует употреблять язык. Здесь мы не имеем в виду прескриптивизм и дескриптивизм в лингвистическом смысле, а в смысле общественной морали. Такой подход языку присущ для всех культур мира и для каждой эпохи их развития не важно, идёт ли речь об авторитарно религиозных, тоталитарно секулярных или других видах общественных идеологий. В один период одной культуры или всей цивилизации определённая манера речи выглядит желательной или по крайней мере просто общепринятой, а на более позднем этапе развития этой цивилизации её считают скверной и ужасающей.

Наша лениниана, как подразумевается, не учит людей непосредственно о том, каким языком должен пользоваться *homo sovieticus*, но она – продукт и доказательство позиции нового государства, конечно, и по отношению к русскому языку.

Будучи футуристом, Маяковский в своё творчество включал целый ряд неологизмов, т. е. окказионализмов в более узком смысле. Общая разница между двумя понятиями лежит в том, что окказионализмы из-за своего первичного назначения отразить эмоциональное отношение автора к предмету не дали возможность их широкого употребления в языке, почему они остались ограниченными рамками конкретного сочинения и языковой ситуации, а неологизмы, по крайней мере до определённой степени, закрепляются в языковом узусе, для чего они, наверное, и сознательно были созданы их творцом (2009: 1). Поэтому точное значение и намерение новообразований можно лучше всего понимать в контексте их появления. Хотя о неологизмах Маяковского проведено уже огромное количество исследований, почему здесь они и не будут детально рассматриваться, нельзя избегать их анализа, т. к. они являются самой важной языковой составляющей творческой деятельности автора.

«Сломать старый язык, бессильный догнать скач жизни» (1955: 350) было одной из целей, определённых ещё в *Манифесте футуризма*. Посмотрим лишь несколько примеров, как Маяковский хотел достичь соответствия языка предмету и адресату своего дискурса. Наверное, исходя из того, что в существительных, глаголах и прилагательных скрывается потенциал, более насыщенный экспрессивностью, нежели в других частях речи, писатель придумал окказионализмы/неологизмы именно внутри них.

Цинизм к личным отношениям царя и балерины Матильды Феликсовны Кшесинской (и близким знакомствам царя в целом), к культуре дореволюционного времени хорошо выражены существительным *дрыгоножество*, созданным из глагола *дрыгать*, существительного *нога* и суффикса -ств(о). Глагол уже означает неловкость и резкость движений ног, а суффикс -ств- некое отвлечённое множество, здесь неорганизованное и несоединённое, не изысканность движений и привлекательность балета, а некую отвратительность или даже глупость его существования.

Судя по примеру слова *гуд* (*Вся Москва. / Промёрзшая земля / дрожит от гуда.*), «вместе с суффиксом -ени-/-ани- ликвидируется главный признак отглагольности, действие как бы превращается в предмет» (2009: 2). Смысл такого приёма не трудно предположить; если определённое явление опредмечивается, то оно автоматически легче может получить персонифицированный образ и казаться более серьёзным и по своей новообразованной грандиозности, эмоционально более внушительным для читателя.

Из новообразованных глаголов выделим сначала *взвидеть*, использованный два раза (*голову / Ленина / взвидишь сперва; Этот год / видал, / чего не взвидят сто.*), в котором добавлена приставка *вз-* со значением направленности действия вверх, смотрения на нечто выше зрителя, но выше в отвлечённом смысле. Впервые смотрим на Ленина, превосходящего каждого из людей, а то, что следует, опять касается его же, но, точнее говоря, массового соединения человечества, собравшегося из-за трагичности смерти *пролетариатоводца*.

Глагол *звенеть* получил две приставки: *вы-* (*То мужеством горе, / то детскими вызвонит.*), которой придаётся значение полного окончания долгого и интенсивного оплакивания смерти Ильича. Приставкой *раз-* (*скольким / вдруг / из-за декретов Нерчинск / кандалами / раззвенится в кресле!*) тоже усиливается интенсивность действия, пространственного распространения шума кандалов заключённых из Нерчинска после их освобождения новыми властями в Кремле.

По отношению к прилагательным любопытно заметить, что отвлечённые существительные получают притяжательные суффиксы, напр. -ов- и -ий (*капиталовой* турой; *коммунизмовы* затоны, с *флажых* покрасневших век), из чего видно, что данные понятия персонифицированы. Насчёт коммунизма и капитала (капитализма) таким способом было легче передать их одушевлённый образ смертельных врагов, а флаги имеют веки, т. е. глаза, благодаря чему они как бы стали лицами, выражающими эмоциональное страдание.

Ленин сам в момент своего выступления на сцене революции не семнадцатилетний, а *семнадцатигодовый*, что может опять показаться просто приёмом некоего остранения, но на самом деле в этом может быть более продуманный смысл. Если вспомним, что неологизмы должны отразить отношение писателя к образу, здесь к изображённому персонажу, то можем сделать вывод, что именно этим, а не зафиксированным в словарях, сложносоставным прилагательным он хотел выделить Ленина как самого особого семнадцатилетнего молодого человека, первого и последнего из своего рода.

В сочинении появляется случай разделения названий – «у Иванова уже / у Вознесенска», который как будто «напоминает фольклорный прием» (2009: 2), а таким же образом Маяковский разделил и местоимения в стихе «По всему по этому».

Невзирая на всё новое футуристического мира, что Маяковский изобразил посредством собственной новообразованной лексики, вызывающей остранение, он, как и всем проанализированным выше, так и языком, указывал на наследие, бывшее становым хребтом культуры и цивилизации, которые новая идеология хотела сменить, но, очевидно, никак не смогла стереть. Следовательно, он употребляет огромное количество библеизмов и церковных славянизмов, заимствует формы литургийного языка...

Обратимся вначале к библейской фразеологии, в рамках которой выделяется одно из самых известных библейских крылатых выражений – *дорожить как зеницей ока* – которое Маяковский немного переформулировал: «За него дрожу, / как за зеницу глаза». Это можно только частично объяснить его процитированной ненавистью к всему церковному и славянскому, в чём нет смысла, если учесть тот факт, что он в конце концов употребляет чисто библейский фразеологизм (Пс 16, 8; Вт 31, 10). Сверх того, в конце

сочинения он использует цитированные выше стихи со словосочетанием *орлиные очи* и, хотя стихи сами по себе революционные, он решил употребить именно это слово. Можем найти *оправдание* в том, что он на внутреннем уровне своей ленинианы хотел достичь цикличности, поскольку строки этой же песни появляются и в начале поэмы, но тем не менее, зная о весомости слова *очи*, восходящей к поэтичности, высокопарности и библейскому оттенку, выбор лексемы не то что не случаен, а тщательно осмыслен.

В глаза бросается и крылатое выражение *золотой телец*, которое относится к деньгам и материальному богатству в целом, причём со строго неодобрительной точки зрения, где такие ценности воплощают фальшивых кумиров в жизни. В стихах «Маркс повёл / разить войною классовой / золотого / до быка / доросшего тельца» рассказчик говорит о капитализме, обвораживавшего каждого *биржевика-дельца*. Вспомним то, что таким выбором библейского языка Маркс явно приобретает роль Моисея, боровшегося за правду и против нравственного краха человечества.

Впечатляющую библейскую картину отказа от всякой вины передаёт Маяковский фразеологизмом *вымыть руки*: «приспособились Вовы — / пишут, / руки предавшие вымыв: / — Рабочий, / дерись / до последней крови!», где *Вовы*, будучи ссылкой на пьесу *Вова приспособился* Е. Мировича, представляют *подхалимов* империализма, т. е. напускных сторонников царя, повернувшихся внезапно к поддержке рабочему классу и пытающихся снять с себя репутацию тех, кто хотел войны и победы старого мира после того, как начали предполагать, кто окажется победителем.

Используя, условно говоря, исключительно церковно-славянское устойчивое выражение *в сто крат*, стихотворец у читателя вызывает подсознательную ассоциацию с древними церковными текстами на Руси. Однако, в том же стихе, полностью «в сто крат красней», виден некий оксюморон, если учесть то, что названное словосочетание из церковного языка прямо связывается со словом *красней*, т. е. красным цветом, символом коммунизма. Опять-таки, посмотрим глубже: *красней*, наверное, написано в устаревшем значении *красивый*, поскольку буква *б* в аббревиатуре *РКП(б)*, которая имеется в виду, «красней, / грандиозней / и ярче» всех звёзд, исследованных в Пулковской обсерватории. Можно подумать, что литератор таким образом просто хотел сбить с толку читателя или обратиться к древнерусскому языку, в котором *красный* значил *красивый*, и что никакого оксюморона здесь нет. Тем не менее, *(б)* представляет большевиков, группу, цвет которой был именно красный, на основе чего можно более уверенно говорить о достаточно тонко разработанном и продуманном оксюмороне.

Интересные коннотативные значения в сочинении находим, анализируя и отдельные лексемы, так как общеизвестно, что синонимия не подразумевает полную однозначность употреблённых лексем, чем Маяковский отлично играет. Уже когда смотрим на слово *кабала* убеждаемся в этом, исходя из того, что *кабала* относится к типу имущественной зависимости в средневековье на Руси, почему в рамках марксизма и выделяется её признак фактического рабства. Таким способом достигается метаисторический характер страдания рабочих, вследствие чего революция опять приобретает дополнительную весомость.

Подобное достигается и словом *глава* в словосочетании *коронованные главы*. Это слово, правда, можно понимать в смысле метонимии, обозначающей главы государств, королей и царей, что в данном случае имеет смысл, но поскольку автор стремится к насмешке над правителями того времени, ироничность и искажение высокопарности и поэтичности названной лексемы и её коннотаций кажутся такими же вероятными.

Устаревшее слово *каратель* имеет в первую очередь отрицательные ассоциации, как и *каратель Дубасов* в поэме, но карателем может быть и тот, кто наказанием достигает справедливости; так и у самого Иисуса Христа есть и милующее, и карающее око. Слово, по-видимому, используется и в контексте Иисуса Христа, почему можно предположить, что автор неким образом хотел иронизировать идею о карателях в смысле *правдоносцев*.

Вопреки тому, что приведённые примеры не являются составляющими фразеологизмов, намёк на один из них мы находим в глаголе *лобзаться*, если смотрим стихи «Питерцы / всё ещё / всем на радость / лобзались», которыми описано предательство представителей властей. Можно легко сопоставить употребление этого глагола в контексте предания с евангельским эпизодом, переданным библейским крылатым выражением *Иудино лобзание*, архаическим вариантом фразеологизма *Иудин поцелуй* (Берков 2005: 207).

По символике Святой Троицы христианству свойственны троекратные повторения молитв или молитвенных призываний, как «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй насъ» (2019: 2), где трижды произносится не только достоинство святости Бога, а нужно повторить целое призывание. С другой стороны, если прочесть повторения в поэме «гроб революций / [...] и сына и отца. / Конец, / конец, / конец» или «коммуна трудящихся — / без буржуев, / без пролетариев, / без рабов и господ», видим, что повторяются не целые предложения, а либо полнозначное

самостоятельное слово, либо неполнозначное (здесь предлог), определяющее состояние слова, к которому относится. Обои приёмами нагнетается не только ощущение восторга рассказчика, но и он сам способствует тому, чтобы доказать точность своих утверждений и личных убеждений.

В отличие от троекратных повторений, которые следуют одно за другим, есть и высказывания мыслей, образующих единое целое благодаря своим начальным словам; «**Я боюсь** / этих строчек тыщи, / [...] **я тревожусь**, / не закрыли чтоб / [...] ленинский [...] лоб. / **Я боюсь**, / чтоб шествия / [...] не залили б / ленинскую / простоту» или «**Я счастлив**. / Звнящего марша вода / относит / тело моё невесомое. / **Я знаю** — / [...] во мне / минута / эта вот самая. / **Я счастлив**, / что я / этой силы частица». В данных примерах трижды повторяется подлежащее, что явно указывает на образ молитв, пример которых приведён выше, но, если посмотрим, что это подлежащее именно местоимение *я*, то увидим, что оно как бы заменяет определение *Святый*, Божье достоинство. Логичным кажется поэтому, что Маяковский из себя делает нового бога, и на самом деле это правда, но отнюдь не в эгоистическом и индивидуалистическом смысле, а в смысле присоединения к классу, что доказывает последний стих.

Также необходимо заметить, что сказуемое в среднем высказывании отличается от сказуемого в первом и третьем высказываниях, благодаря чему писатель достигает внутренней цикличности этих рефлексивных молитвообразных целых, что создаёт ощущение вечности, бесконечности таких мысленных битв человечества. Этим он указывает на более высокий уровень цикличности – вечность сочинения, осуществлённую уже кольцевой композицией – так же как песней *Замучен тяжелой неволей* – поскольку первое целое, выражающее страх перед злом профанации вождя, читаем в начале, а второе, выражающее радость от ленинской славы и классовой победы, в конце текста. Таким образом писатель опять пронизывает свою поэму элементами космогонии, в которую входит и зарождение зла (здесь осквернение Ленина), и эсхатологии, окрашенной победой добра над злом.

Заметно, что через всю лениниану мы встречаем восклицания о целях революционеров, адресованных поклонникам своих идей, из которых посмотрим самые выразительные, соединённые в одно целое: «Всем! / Всем! / Всем это — / фронтам, / кровью пьяным, / рабам / всякого рода, / в рабство / богатым отданным — / Власть Советам! / Земля крестьянам! / Мир народам! / Хлеб голодным!». Здесь сразу можно увидеть и включение троекратного повторения, но на данный момент обратим внимание

на контрасты, например, «Хлеб голодным» – пусть голодные насытятся; «Земля крестьянам» – пусть неимущие станут землевладельцами. Стилистическое происхождения такого типа восклицаний, или даже запросов, мы можем опять найти в Евангелии, точнее говоря, в заповедях блаженства: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. [...] Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 5, 6, 10). Этому противопоставлены предупреждения тем, кто не соблюдает принципы советского жизненного образа: «Горе одиночкам — / выучьтесь на нас! / [...] Горе одному, / один не воин¹⁰», но как это ни странно, этими предупреждениями писатель не обращается к буржуям, империалистам и прочим, но к индивидуалистам – тем, кто не показал желания присоединиться к революционному коллективу. Автор на первый взгляд оказался по какой-то причине мягче Иисуса, проповедующего: «[Г]оре вам, богатые! ибо вы уже получили своё утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете», но тем не менее, если вспомним, какое отношение к индивидуализму проявлял коммунизм своим коллективизмом, из данных цитат видно, что индивидуализм уравнивается с некоей пассивностью или даже нежеланием способствовать общественным переменам. Пассивность и летаргия по отношению к нужным, по мнению автора, просоветским подвигам, оказались такими же противниками, как вся дореволюционная Россия.

Проанализированное выше превосходство партии отражается и на речевой форме стихов, которая местами подражает молитвам, сакральному языку обращения верующего к Богу и святым, где он вначале перечисляет их достоинства, и лишь после этого просит у них милости и помощи. Маяковский так *молит*: «Партия — / спинной хребет рабочего класса. / Партия — / бессмертие нашего дела. / Партия — единственное, / что мне не изменит. / Сегодня приказчик, / а завтра / царства стираю в карте я. / Мозг класса, / дело класса, / сила класса, / слава класса — / вот что такое партия». Здесь отсутствуют просьбы о помощи, которые в христианстве подразумеваются, но зато присущи утверждения о том, чего можно достичь адресатом как средством, т. е. «Партией / стройки / в небо взмечем, / держа / и вздымая друг друга». Выраженная позиция по отношению к адресату совсем противоположна позиции в молитвах, например: «Царице моя Преблагая, Надеждо моя, Богородице, Приятелище

¹⁰ Данное предложение – ссылка на пословицу «Один в поле не воин» (исток: Юрченко, А. С. (1977), *И один в поле воин* в *Русская речь* № 6 (С. 73-76). Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

сырых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице! [...] помози ми, яко немощну, окорми мя, яко странна!»¹¹, где молящийся в смирении указывает на свои недостатки, а помощь же всегда приходит только по Божьей воле. Для писателя, с другой стороны, важным было только созвучие его восклицаний с молитвами, ибо, по-видимому, целью была эффектность богослужебного регистра, подсознательно влияющая на читателя, ощущающего текст знакомым и легче принимающего его идеи благодаря его одухотворённому звучанию.

Писатель во многих местах использует слова либо одного/подобного корня, либо (частичные) омонимы, чтобы выразить их взаимосвязь и осуществить добавочные значения. В качестве примера возьмём сначала словосочетание *не довиделось видеть*, где кроме того, что глагол *довидеть* неологизм, благодаря своему положению он получает значение глагола *довелось*, а несовершенный вид начальной формы *видеть* использован вместо глагола совершенного вида *увидеть*, чем снова создаётся впечатление длительности и бесконечности страданий на Руси, а тем, что дважды использован один корень в различных значениях, каждый из них приобретает другой семантический оттенок.

Относительно омонимов посмотрим на слова *телец* и *тельце*; когда Маркс уличил жадных капиталистов, они «дрожали тельцем», после чего он начал войну против «золотого [...] тельца». Эти слова омонимы не в прямом смысле, что их использованные формы совпадают, но их формы в родительном и дательном падежах всё-таки одинаковы, если не учитывать положения ударных слогов. Их общей исходной точкой оказывается то, что *тельца* капиталистов являют безграничную ненасытность к деньгам, а *телец* – результат грабительской работы этих же телец.

Помимо достижения дополнительного эффекта на читателя, можно предположить, что у автора появилась потребность древнее прошлое иудео-христианства ещё более скрыто взять как костяк построения мира своего сочинения. Бросая взгляд на вышеприведённые примеры, нужно иметь в виду именно способ использования отдельных лексем – *довидеться*, *видеть*, *тельце*, *телец* – в их контекстах. Такой искусный тип создания семантических взаимосвязей различных лексем напоминает принципы построения значений лексем в иврите, точнее говоря, библейском

¹¹ *Молитвы ко Пресвятой Богородице* [Эл. ресурс] // <https://azbyka.ru/molitvoslov/molitvy-ko-presvyatoj-bogorodice.html> (Дата обращения 06.02.2023)

иврите. Вкратце объясним лишь самые важные черты ивритской семантики, которая по своей сути намного отличается от индоевропейской.

Относительно лексики можно сказать, что она не насыщена множеством различных корней, как это положено в индоевропейском случае, а эти корни приобретают самые разные значения в зависимости от добавленных им аффиксов и контекстов, в которых они находятся (2003: 634). На первый взгляд это совсем не отличается от индоевропейского принципа, но необходимо понимать, что древние евреи не воспринимали окружающий мир абстрагированием и силлогистическим способом мышления, почему они и создавали свой мир мифическим размышлением, используя конкретные понятия и известные им факты (там же: 634-635). Образ их письменной речи восходит, разумеется, к их образу размышления, почему и сама речь мифическая, с чем связывается и этиологический образ речи, которым представляют себе неизвестную историю, пользуясь актуальными для них обстановками (там же: 635). Итак, из одного корня образуются новые значения не только аффиксами и контекстом, но одинаково важную роль в этом играет мифическое, тем самым более глубокое и скрытое, понимание денотата.

Приведём пример, чтобы легче было понять, как этот принцип выглядит в реальности языка. Слово *тора* чаще всего переводится как *закон*, но у неё есть другие первичные значения, к которым восходит этот общеизвестный перевод: учение, поучение, право, принцип, правление, договор, обычай, распоряжение, распределение, соглашение (там же: 642). Для евреев это слово на самом деле имело не юридическое значение, а теологическое, на основе чего Тора Моисея человеку переносит Божьи поучения о жизни под Его управлением и защитой, а не законы как для нас и древних греков, использовавших такой перевод первыми (там же).

Объяснённое можем применить, насколько допускают характеристики русского языка, к корню слова *синий*: «[Россия] рассинелась речками, / словно / разгулялась / тысяча розг, / словно / плетью исполосована. / Но синей, / чем вода весной, / синяки / Руси крепостной». Изначально можно подумать, что здесь речь идёт просто об усилении эффектности слов через повторение их корня, но *рассиневишиеся* реки сопоставлены с розгами, т. е. прутами для наказания и с ударами такими прутами по телу. Так создаётся образ *Руси крепостной*, чьё население жило под тиранией помещиков и капиталистов. Поэтому *на теле* Руси возникают *синяки*, очевидные показатели перенесённого физического насилия, но они даже *синее воды*, наверное, синее тех самых рек, символа средства наказания. Таким образом, можно подвести итог, что в мифологии Маяковского

синий цвет содержит отрицательный оттенок и его проявлением является синяк – знак страдания и боли. Цвет по еврейскому принципу мифологизирован не через отвлечённые понятия (можем сказать, что, например, реки, море и небо, с которыми связываем синий цвет, отвлечённые пространства, судя по мифическим мирозерцаниям многих цивилизаций мира и самих дохристианских славян), а через конкретное, осязаемое явление, почему слово *синий* необходимо употреблять в контекстах описания свирепых властей и человеческой жестокости.

В качестве последнего примера возьмём слово *обрыв*: «и страшно ступить — / под ногою обрыв — / бездонный обрыв / в четыре ступени. / Обрыв / от рабства в сто поколений, / где знают / лишь золота звонкий резон. / Обрыв / и край — / это гроб и Ленин», где это слово находится в одной форме, но почти каждый раз в нём имеется другой смысл. В первом случае изображён крутой склон, риф (из вышенаписанного стиха, которым осуществляется рифма и само толкование значения), представляющий опасность для продолжения шествия оплакивающей Ленина толпы, который ведёт в *бездонный* обрыв – к оврагу, провалу – где уже нет возможности выжить. Потом встречается обрыв в третий раз, где имеется в виду разрыв или отрыв *от рабства* в крепостной Руси и от капитализма во всём мире. В последнем случае будто все значения соединяются в одно, но более того, выясняется, что этот обрыв опасность и конец не для толпы, а для их противников.

Имея в виду характеристики иврита, нужно заметить, что здесь нет добавления аффиксов, но контексты разные, чем подчёркивается разнообразность понятия *обрыв* и доказывается мастерство употребления языка у Маяковского и его глубокое знание семантических тонкостей русского языка. Мы никогда с полной уверенностью не узнаем, было ли у Маяковского такое знание об иврите, но нельзя не заметить такие моменты в его творчестве и не задуматься над ними, не имея никаких представлений об их более скрытом назначении.

11. Заключение

Будучи поклонником большевизма, Владимир Владимирович Маяковский хотел прославить его своей писательской деятельностью, что он и делал с самого её начала, но пиком такого стремления является именно поэма *Владимир Ильич Ленин*, в которой заглавный герой изображён самым образцовым для коммунизма человеком, пионером исторических переворотов и воплощением справедливости.

Такое изображение Ленина проанализировано с разных точек зрения, но сначала необходимо было понять жанровую позицию сочинения. Как можно ожидать от поэмы, образ Ленина окрашен безошибочностью, а его совершенство нельзя превзойти. Следовательно этому структура и сюжет поэмы напоминают агиографический жанр, формировавший русскую культуру в течение семи веков, уже с XI в. Поджанр агиографических текстов, т. е. житий, с которым можно сравнить текст Маяковского – жития святых князей, конкретно, житие князя Александра Ярославича Невского. В обоих сочинениях видны те же точки сюжета: необыкновенное детство избранника, жизненные подвиги и смерть, сопровождавшаяся их посмертными чудесами. Поэтому – кроме того, что данное произведение поэма, оно кажется и житием, но так как христианской святости в нём нет, нужно было его категоризировать с метажанровой точки зрения. Сочетанием признаков двух жанров, по метажанру произведение лучше всего классифицировать как коммунистическое житие и лениниану.

Для осуществления не только художественного, но и философского характера ленинианы, в него нужно было вплести признаки коллективизма, созерцания общества в коммунизме, в котором индивидуум теряет свою ценность, если не присоединяется к остальному обществу, т. е. коллективу. Маяковский не раз подчёркивает свою ничтожность, особенно по отношению к Ленину, как и житийные авторы по отношению к Богу. В коллективизме моральная вертикаль – новая система ценностей, т. е. коммунизм и его создатель Ленин, а по соборному взгляду авторов житий, единственная вертикаль не святые, а Бог, перед которым все равны. Дальше, в поэме каждый человек должен сделать из себя образцового гражданина, достойного статуса личности в коллективе, стремящегося к материальному благополучию, в отличие от жития, которое проповедует, что каждый сам по себе находится в Божьей любви. Решающим поступком, которым достигается цель коммунизма, является воспитание личностей, включающее агрессивную агитацию против врагов: «Бейте партией! / Кулаком». Рассматривая данные два принципа, заключаем, что принцип, проявленный Маяковским, стремится к

отрицательному эвдемонизму в то время, как житийная соборность и христианство в целом проповедают о положительном эвдемонизме.

В лениниане идейную весомость приобретает интернационализм, по которому важно только, борется ли пролетариат за свою свободу в целом мире. Ударение на этом делается уже упоминанием восстания рабочих в Патагонии, происходившем во время гражданской войны. Освобождение рабочих подразумевает уничтожение врага во всём мире, что подчёркивается неоднократно. Национальность стирается и у врагов, и у революционеров, что, не учитывая позицию по уничтожению неприятелей, совпадает с новозаветным интернационализмом.

В данной поэме внешность главного персонажа сыграла одну из важнейших ролей для изображения его внутреннего характера. Это не странно, если считать агиографию образцом для поэмы, где красота святых относительно важна, но не описана с подробностями. В поэме видим упоминание высокого лба, орлиных глаз, скуластого лица, *солнцелице*го Ленина, будто вокруг него нимб святых, что словно доказывает все его достоинства.

Любопытно было наблюдать за тем, как Ленин, результат архетипа верховного вождя и божества, изображён по образцу Святой Троицы, которую полностью воплощает. Отец он не только потому, что назван отцом революции, но и тем, что он присутствует в каждый момент, а с этим вездесущим связываем и духовную силу, которой он наполняет пролетариев на каждом шагу их продвижения к восстанию. Ипостась Святого Духа видим в том, что его рождение - следствие рыскающего призрака коммунизма, который выбрал именно Симбирск как место рождения *пролетариатоводца* так же, как Святой Дух выбрал Марию как Богородицу. Моменты, которые ярче других приближают образ Ленина к образу Христа – это чудеса, творимые уже живущим Лениным, например, спасение корабля, будто совершенно списанное из Библии, когда Иисус от грозы спас апостолов на корабле. Самым впечатляющим доказательством схожести с Христом является воскресение Ленина, изображённое в виде того, что он с флагов – с небесных высот – смотрит на всех, правит пролетариатом и продвигает их прогресс.

Исходя из чрезвычайной мифологизированности Ленина, можно ожидать, что мифологизирован и мир, на который он воздействует, благодаря чему появляются элементы космогонии. Мир умирающего негра – некий прамир, а создание ленинского мира происходит на фоне избранности России так же, как в Ветхом Завете избранным Богом народом изображены евреи, но то, в чём они похожи – это страдания и рабство.

После создания мира приходит возникновение зла – капитализма, трудолюбивого юноши, оказавшегося безгранично жадным в ущерб рабочим. Борьбой против капитализма эсхатологически заканчивается его правление миром и начинается создание социалистического рая на земле.

Чтобы усилить присутствие мифа, есть и пророчества, объявляющие о пришествии спасителя. Главным пророком в образе Моисея оказался Маркс, поддерживая рабочих и принося им свои *законы*, т. е. Коммунистический манифест. Он тоже проповедует о пришествии пролетарского мессии, возглавляющего новую Церковь – партию. Кроме институционализации обеих инстанций, доказательство правоты их ценности видим и в мотиве мученичества, которое терпели как первые христиане, так и коммунисты до и в течение революции и гражданской войны.

Язык у Маяковского представляет самое качественное орудие, которым он художественно изображает свои идеалы, и оружие, которым ведёт за них борьбу. На первый план выходят неологизмы, что не странно, учитывая то, что писатель был одним из представителей русского футуризма. Так, существительным *дрыгоножество* автор выражает своё циничное неодобрение личных дел царя и мировой культуры того времени, а прилагательным *семнадцатогодовой* подчёркивает отличие Ленина от своих сверстников. Встречается и значительное число лексики и фразеологии из церковнославянского и Библии. Самый эффектный пример – крылатое выражение *дрожать как зеницей ока*, т. е. *глаза* в случае поэмы, и употребление цитат с церковнославянским и поэтическим словом *очи*. Слово *кабала* писатель использует вместо *рабство* в качестве его синонима, но с целью достижения метаисторической весомости этого явления. Троекратные повторения появляются ради подражания молитвам, чему лучший пример повторения *Я боюсь/тревожусь* и *Я счастлив/знаю*, где лирический субъект вместе с *силой*, которой он *частица* занимает место Бога как в призывании *Святой Боже...* Есть моменты в сочинении, в которых особым кажется многократное использование одного корня в разных словах. Имеем в виду корень слова *синий*, омонимы *тельца/тельцем* и одно слово в различных значениях, напр. *обрыв*. Смотря глубже на фон такого подхода к языку, можно до определённой степени подумать о старательном переносе элементов иврита в русский язык через поэму.

В общем и целом – или, говоря языком ленинианы *Владимир Ильич Ленин* – по всему по этому, если закроем *очи* перед всем нечеловеческим, поддержанным в поэме, и если посмотрим на неё исключительно с точки зрения литературоведения и лингвистики, можем согласиться, что данное литературное произведение является своеобразным

шедевром. Исходя из того, что оно пропитано огромным количеством подтекста из Библии, агиографии, истории, актуальных для времён литератора событий, это произведение представляет собой уникальное окно во времена исторических изменений и в миросозерцание безусловных поклонников нового движения и новых мировых вождей. Продуманное употребление как современного Маяковскому русского языка, так и древнерусского, церковнославянского языков и потенциально иврита, и «ковка» нового языка для человека такого же нового мира, доказывают абсолютную гениальность поэта. Однако, такие произведения могут послужить даже предупреждением о том, как умные люди своими талантами могут играть массами, чтобы достичь своих личных целей, причём они не обращают внимания на истинное благосостояние всех людей, в том числе тех, которые на мир не смотрят их глазами.

Литература

- Rebić, Adalbert (2003) *Značajke biblijskog hebrejskog jezika u odnosu na spoznaju i interpretaciju* u *Bogoslovska smotra*, Vol. 73 No. 4. Zagreb: Katolički bogoslovni fakultet.
- Берков, Мокиенко, Шулежкова (2005) *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, Минск: АСТ, Астрель, Русские словари, Харвест.
- Воротнева В., Позднякова К. (2009) *Окказионализмы как составляющая идиостилия Владимира Маяковского*. Томск: Средняя общеобразовательная школа № 28 города Томска [Эл. ресурс] // <https://studfile.net/preview/9173483/> (Дата обращения: 05.02.2023).
- Есаулов И. А. (1995) *Категория соборности в русской литературе*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета.
- *Житие Александра Невского* [Эл. ресурс] // <https://aleksandr-nevskiy.ru/zhitie-aleksandra-nevskogo/> (Дата обращения: 10.2.2023).
- Лоевская М. М. (2005) *Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох*. Москва: МГУ.
- Маяковский, Владимир Владимирович (1939) *Владимир Ильич Ленин*. Москва: Детиздат ЦК ВЛКСМ.
- Маяковский, В. В. (1955) *Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 1*. Москва: ГИЖЛ.
- Мукачівська православна єпархія (2019) *Молитвослов*. Київ: Феникс.
- Подлубнова Ю. С. (2005) *Метажанры в русской литературе 1920 – 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория)*. Екатеринбург: УрГУ.
- Тугаринов В. П. (1966) *Коммунизм и личность*. Ленинград: Наука.
- Шатин Ю. В. (1996) *Эстетика агиографического дискурса в поэме В.В. Маяковского "Владимир Ильич Ленин"* в *Дискурс. № 2*. – Новосибирск. [Эл. ресурс] // <http://www.philology.ru/literature2/shatin-96.htm> (Дата обращения: 29.01.2023)

Sažetak

Rad se bavi analizom hagiografskih i općih judeokršćanskih elemenata u ruskoj književnosti početka XX. stoljeća na primjeru poeme *Vladimir Iljič Lenjin* Vladimira Vladimiroviča Majakovskog. Djelo veliča naslovni lik prikazujući ga u svjetlu nepogrešive ličnosti, uzorita revolucionara i neprikosnovena komunista, pri čemu autor u Lenjinovoj personi sukobljava sliku čovjeka i božanstva, sliku smrtnika i uskrsloga. U pozadini svega leži refleksija o idejama marksizma i proleterske revolucije koje pisac silno želi približiti ruskome čovjeku toga vremena koristeći se kulturološkim obrascima koje su istome znani stoljećima.

Usljed toga već sama vizualna podjela teksta ukazuje na uobičajeni siže ruskih srednjovjekovnih žitija, što se dalje dokazuje opisima vanjštine, životnih podviga i krajnje principijelnosti u svakom postupku likova. Ono što razlikuje Lenjina od npr. kneza Aleksandra Nevskoga je to što Lenjin uz cijeli kolektiv postaje božanstvom, novom moralnom okosnicom, dok je knez ponizan i pred Bogom jednak s ostatkom čovječanstva. Tako se vođa proletera približio slici Isusa Krista – kao spasitelj, čudotvorac i sveprisutna duhovna snaga, no isto tako kao nemilosrdan i neumoljiv osvjetnik.

Osim što se za izgradnju fabule Majakovski koristio riznicom hagiografskog i biblijskog naslijeđa, kako bi se na što dubljoj razini povezao s ruskim svetačkim predajama i judeokršćanskim kolektivnim pamćenjem proizišlim iz Biblije, iznimno se vješto poslužio raznolikošću ruskoga jezika u koji je kao futurist pomno utkao kako neologizme tako i crkvenoslavizme, trokratna ponavljanja misli nalik molitvama, a možda i elemente semantike hebrejskoga jezika. Takvim postupcima dokazuje svoju spisateljsku vještinu, erudiciju te kako u svakom novom ima mnoštvo starog, kako je svaki prototip dobro skriven arhetip.

ključne riječi:

hagiografija, žitije, Lenjin, lenjinijana, sabornost, kolektivizam, Majakovski

ключевые слова

агиография, житие, Ленин, лениниана, соборность, коллективизм, Маяковский

Životopis

Domagoj Lovro Milićević (1996.) nakon završene XVIII. gimnazije u Zagrebu 2015. upisuje preddiplomski studij skandinavistike i rusistike na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu, a završava ga 2019. Obrazovanje nastavlja na prevoditeljskim smjerovima u sklopu diplomskih studija na istim studijskim grupama.